

ОСН. ф.

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

« НАУКА »

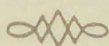
1993

ИДЗБ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

469164

1(204)

Январь—Февраль—Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Среди личных фондов, хранящихся в Архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, один из богатейших — фонд выдающегося отечественного антиковеда академика Сергея Александровича Жебелева (1867—1941). Его перу принадлежит более 300 научных работ, посвященных истории и литературе античной Греции, истории раннего христианства, античной археологии и искусству, а также историографии и истории науки. Около 40 исследований, главным образом относящихся к послереволюционной эпохе, остались неопубликованными¹. Эти труды С.А. Жебелева, а также материалы, связанные с его биографией и ученой деятельностью, представляют большой научный интерес, так как могут существенно расширить наши представления о судьбах русской науки об античности в конце XIX — первой трети XX в.

Особое положение С.А. Жебелева в отечественной науке определяется тем, что он оказался единственным из крупных — мирового уровня — антиковедов, кто в годы революции и гражданской войны не эмигрировал, сумел выжить и своей деятельностью обеспечил преемственность и связь русской и советской науки классической древности. Его личность оказывается ключевой в становлении новейшей советской историографии античности.

Важнейшие аспекты научной деятельности С.А. Жебелева представлены в исследованиях, относящихся к собственно классической истории, филологии, археологии и истории искусств. Среди них — большая статья о келермесских зеркалах и ритоне — уникальных памятниках греко-скифского искусства архаической эпохи, в основе которой — доклад С.А. Жебелева на Первом Международном археологическом конгрессе в Афинах (1905); три этюда, посвященных вопросам античного горного дела и металлургии на материалах Северного Причерноморья; отчетный доклад в ГАИМК «Население Боспорского царства» (1931); обстоятельный анализ греческой литературы в эпоху эллинизма и др.

Особую группу составляют статьи, касающиеся истории раннего христианства: исследование предания о воскресении Христа, перевод апокрифа «Деяния Пилата», специальное исследование о терминах «православие» и «православный».

Целый ряд рукописей касаются сюжетов историографии гуманитарных наук. Как известно, С.А. Жебелев был большим мастером историографического жанра. Составленные им за долгие годы его жизни многочисленные, нередко весьма обстоятельные некрологи отечественных и иностранных ученых доставили ему заслуженную славу Плутарха новейшей науки об античности. Среди неопубликованного научного наследия С.А. Жебелева важное место занимают воспоминания, записки, некрологи о Ф.Ф. Соколове, А.В. Никитском, М.М. Покровском, С.Ф. Ольденбурге, Б.А. Тураеве, А.А. Дмитриевском, Э.Л. Радлове, Г. Узенере и др., а также автобиографические материалы. Для понимания общей ситуации в Академии наук СССР в конце 20-х годов большую ценность представляют документы, связанные с избранием С.А. Жебелева в действительные члены Академии (1927) и с его пресловутым «делом» (1928) — политическим скандалом, вызванным опубликованием статьи памяти академика Я.И. Смирнова в зарубежном эмигрантском издании «Seminarium Kondakovianum».

С.А. Жебелев был известен как автор обобщающих трудов по истории науки. Именно его перу принадлежит одна из первых русских книг по истории мировой археологии². Неизданная монография «История Русского археологического общест-

¹ Авторы настоящей публикации готовят к печати том «С.А. Жебелев. Неизданные труды и материалы к биографии» (40 п.л.) в серии «Научное наследство», куда войдут материалы из Петербургского филиала Архива Российской АН и Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН.

² Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания.

ва за третью четверть века его существования. 1897—1921 гг.» прямо продолжает и завершает работу по истории РАО, начатую когда-то востоковедом, членом-корреспондентом Петербургской АН Н.И. Веселовским³. С ней перекликается статья «Археология и общая история искусств», подготовленная С.А. Жебелевым в начале 1918 г. для историко-научного сборника «Русская наука», который так и не вышел в свет.

Представляет интерес большая записка о присуждении ученых степеней в СССР — «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозная опасность их вырождения в будущем» (1935), где подняты принципиальные вопросы подготовки научных кадров и их квалификационной оценки, что, как известно, является предметом оживленной дискуссии и в наше время.

Вниманию читателей ВДИ предлагаются четыре ранее не публиковавшихся этюда С.А. Жебелева, представляющих разные варианты историографического жанра: воспоминания о своем университетском наставнике профессоре Ф.Ф. Соколове, о друге академике Б.А. Тураеве, очерк собственного творчества и обзор одного из важнейших трудов по экономике античной Греции немецкого историка И. Хазебрека.

Первый очерк является текстом доклада, подготовленного С.А. Жебелевым для заседания, посвященного столетию со дня рождения Ф.Ф. Соколова. Он датирован 3 декабря 1941 г. Дело, стало быть, происходило в заблокированном Ленинграде, за три с небольшим недели до смерти самого С.А. Жебелева (он умер 28 декабря 1941 г.). Доклад перекликается с более ранней обширной статьей о Ф.Ф. Соколове, написанной С.А. Жебелевым сразу после смерти своего учителя в 1909 г.⁴, однако он имеет и собственную ценность: в нем сквозь призму суждений о Ф.Ф. Соколове более кратко, но и более выпукло выражены взгляды самого С.А. Жебелева на смысл и значение научной и педагогической деятельности ученого — исследователя классической древности.

Та же тема представлена в двух других очерках. Первый — «Воспоминания о старом товарище» — посвящен Б.А. Тураеву, крупнейшему русскому востоковеду, сокурснику С.А. Жебелева по Петербургскому университету; второй — оригинальный автонекролог, составленный в 1932 г. по случаю собственного 65-летия и содержащий неоценимые сведения не только о деятельности самого С.А. Жебелева, но и о его учителях и коллегах, о научном и политическом климате в стране, его весьма откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. В свое время Д.П. Каллистовым были опубликованы выдержки из автонекролога С.А. Жебелева⁵, но теперь настало время познакомить публику с полным текстом этого оригинального сочинения вместе со всеми приложениями. Эта автобиографическая работа представляет для нас исключительный интерес, так как характеризует жизненное и научное кредо С.А. Жебелева и дает объективную оценку всего им содеянного.

Что же касается четвертого этюда, то его значение определяется тем, что это — единственный на русском языке обстоятельный обзор исследования И. Хазебрека, сыгравшего большую роль в утверждении восходящей к И. Родбертусу и К. Бюхеру примитивизирующей концепции античной экономики и античной цивилизации в целом. Учитывая широкое распространение этой концепции или ее элементов в отечественном антиковедении (сошлемся на повторяющиеся в общих университетских курсах утверждения о натуральном характере экономики античного мира), надо думать, для русского читателя будет полезным ознакомиться через посредство добротного жебелевского обзора с одним из первоисточников указанной концепции.

³ *Веселовский Н.И.* История императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896 гг. СПб., 1900.

⁴ *Жебелев С.А.* Федор Федорович Соколов (1841—1909) // ЖМНП. 1909. № 9. Отд. 4. С. 17—64. Отд. отт.: СПб., 1909.

⁵ *Каллистов Д.П.* «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелева // ВДИ. 1968. № 3. С. 152—158.

Возвращаясь к очерку о Ф.Ф. Соколове, которым открывается ряд публикаций из архива С.А. Жебелева, подчеркнем важность его для понимания собственных взглядов С.А. Жебелева на смысл и значение антиковедения. Они раскрываются не только в прямом обосновании роли и значения исторической памяти, но и через сочувственные отзывы о научных трудах и воззрениях Ф.Ф. Соколова, о его педагогической деятельности и жизненной позиции. С.А. Жебелев справедливо указывает на удивительную научную основательность диссертации Ф.Ф. Соколова о древнейшем периоде истории Сицилии, что позволяет этой работе сохранять свое значение и в наше время. Он отмечает основополагающее значение эпиграфических исследований Ф.Ф. Соколова, ставших исходным моментом в развитии русской эпиграфической школы. Особенную роль в формировании этой школы сыграли такие ценные, нестандартные педагогические начинания Ф.Ф. Соколова, как ведшийся им на дому на протяжении многих лет эпиграфический семинар («соколовские пятницы») и посылка лучших и перспективных учеников по окончании университета на двух- или трехгодичную стажировку в Грецию и Италию. С нескрываемым сочувствием излагает С.А. Жебелев суть исторической методологии Ф.Ф. Соколова, его ставшего притчей во языцех фактопоклонничества, в котором сам С.А. Жебелев несомненно видел здоровую антитезу распространившемуся в советское время социологическому верхоглядству. Равным образом и в восхищении чистой любовью к науке, ответственным отношением к делу и трудолюбием, которые были характерны для Ф.Ф. Соколова, нельзя не усмотреть реакции С.А. Жебелева на нравы современной ему научной среды.

Все это наглядно проступает в воспоминаниях С.А. Жебелева и не нуждается в особых пояснениях. Специального разъяснения требует лишь сдержанное отношение С.А. Жебелева к школе М.С. Куторги, стремление дистанцировать Ф.Ф. Соколова (а вместе с тем и всех «соколовцев», в том числе и себя самого) от патриарха русского университетского антиковедения. Позиция эта, кстати, нашедшая отражение уже и в некрологе 1909 г.⁶, по существу неверна. Хотя Ф.Ф. Соколов и не слушал курса древней истории у М.С. Куторги в бытность свою студентом Петербургского университета (Куторга находился тогда в отъезде за границей), самая атмосфера научной жизни на историко-филологическом факультете Петербургского университета была уже пропитана духом созданной последним школы, и избежать ее воздействия Ф.Ф. Соколов никак не мог. Впрочем в диссертации о Сицилии Ф.Ф. Соколов прямо благодарит М.С. Куторгу за научную помощь и тем подтверждает наличие прямых контактов между ними, а вместе с тем и известное воздействие маститого профессора на его, Ф.Ф. Соколова, становление как ученого⁷.

Стремление дистанцироваться от школы М.С. Куторги развилось у «соколовцев» не в силу их генетической чужеродности «первоначальнику у нас науки об эллинизме»⁸, — в конце концов они также выросли из того мощного дерева, каким стала созданная М.С. Куторгой петербургская историческая школа, — а вследствие их более сдержанного отношения к характерным для основоположника этой школы стремлениям дать глобальное историко-социологическое истолкование греческой древности. М.С. Куторга пытался охватить греческую (прежде всего афинскую) историю общим понятием полиса, тогда как новое поколение русских исследователей классической древности по примеру Ф.Ф. Соколова считало необходимым раньше, до таких обобщений, провести исчерпывающий анализ

⁶ Жебелев С.А. Ф.Ф. Соколов. СПб., 1909. С. 5.

⁷ См.: Соколов Ф.Ф. Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 50. Прим. 59 к главе 1. Ср. также: Фролов Э.Д. Ф.Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ. 1977. № 1. С. 215.

⁸ Определение принадлежит редактору посмертного «Собрания сочинений М.С. Куторги» (М., 1894. Т. I. С. IX).

документальных свидетельств и на их основе дать надежную реконструкцию исторических фактов⁹. Все же, по большому счету, соколовское историко-филологическое (или эпиграфическое) направление было не безусловной антитезой, а исторически обусловленным коррективом к направлению, намеченному М.С. Куторгой. Современная наука об античности в конце концов вновь вернулась к проблеме полиса, поставленной М.С. Куторгой, но вернулась, опираясь на более прочное фактическое основание и оперируя более изощренной методикой исторического исследования. Но этим новым оружием она уже была обязана Ф.Ф. Соколову и его школе.

И еще одно разъяснение. Говоря о себе как о преемнике Ф.Ф. Соколова по кафедре классической филологии Петербургского университета, С.А. Жебелев с нескрываемой горечью и обидой упоминает о причине своего ухода из университета. В рамках проводившейся Главпрофобром кампании по изгнанию дореволюционной профессуры из стен Ленинградского университета, осенью 1927 г. ему было предложено перейти с должности профессора в приват-доценты¹⁰, что было несправедливо по отношению к крупному ученому. С.А. Жебелев, естественно, не согласился и покинул университет.

Текст доклада С.А. Жебелева «Столетие рождения Ф.Ф. Соколова» публикуется по автографу со следами авторской правки, которая отмечена в подстрочных примечаниях. Сокращенные слова дополнялись без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Слова, восстанавливаемые по смыслу, заключены в квадратные скобки, неразобранные слова отмечены отточиями.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

⁹ Подробнее см.: *Фролов*. Ук. соч. С. 213, 224 сл.

¹⁰ Аналогичное предложение было сделано крупнейшему археологу, члену-корреспонденту АН СССР А.А. Спицыну, что послужило причиной его ухода на пенсию. См.: *Тихонов И.Л.* Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. 1988. Вып. 3 (№ 16). С. 13.

СТОЛЕТИЕ РОЖДЕНИЯ Ф.Ф. СОКОЛОВА

Мы живем обыкновенно настоящим, не прочь гадать о будущем, но сравнительно гораздо реже обращаемся к воспоминаниям о прошлом. Может быть, в житейском обиходе такой распорядок и правилен. Но, мне думается, он едва ли может быть приложим к той области человеческой деятельности, которая объединяет нас сегодня — к области научного знания, научного исследования. В этой области знакомство, а в некоторых случаях знакомство детальное, с тем, что было сделано в соответствующей области знания в предшествующее время обязательно, на мой взгляд, для всякого добросовестного научного работника. Нечего и говорить, что такое требование имеет в особенности приложение в области наук исторических, поскольку сама история является зеркалом, отражающим прошлое, без знания которого невозможно постигнуть настоящее. Поэтому и к тем ученым деятелям, которые изучали прошлое, как бы далеко оно от нас ни отстояло, и которые оставили в истории своей науки заметный след, мы должны относиться с сугубым вниманием, а памятные даты в их жизни вспоминать. Все это, думается мне, оправдает меня в моем намерении представить вам посильное сообщение об одном из видных представителей той специальности в области исторического знания, к которой и я отчасти принадлежу, т.е. к области, занимающейся изучением истории античного мира, профессоре Ф.Ф. Соколове, столетие со дня рождения которого исполнилось недавно.

Ф.Ф. Соколов родился в Стрельне 12 ноября ст. стилия 1841 г. Отец его был священник. Соколов учился три года в С.-Петербургской духовной семинарии, в 1858 г. поступил в существовавший тогда Главный педагогический институт, а в следующем году, когда институт был закрыт, перешел на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета, который и окончил в 1862 г. со степенью кандидата. По окончании университета Ф.Ф. Соколов провел три года на педагогических курсах. Осенью 1864 г. он выдержал при факультете магистерский экзамен по всем отделам всеобщей и по русской истории, по политической экономии. Весной 1865 г. Ф.Ф. Соколовым была представлена в факультет и защищена им магистерская диссертация. В начале лета 1865 г. 24-летний магистр был командирован на два года за границу и провел эти два года исключительно в Германии. О его заграничных занятиях речь впереди. С осени 1867 г. Ф.Ф. Соколов стал приват-доцентом, в конце этого года он был избран на должность штатного доцента по кафедре всеобщей истории, в 1870 г. — экстраординарным профессором в С.-Петербургский историко-филологический институт, в 1883 г. стал ординарным профессором института. В течение 20 лет Ф.Ф. Соколов был ученым секретарем Конференции института, и в эти годы имел в нем казенную квартиру, где и проживал со своим братом, Аркадием, известным в свое время преподавателем географии. В 1884 г. Ф.Ф. Соколов был утвержден экстраординарным профессором университета, в 1890 г. исполняющим должность ординарного профессора (исполняющим должность потому, что Соколов не имел докторской степени, что по уставу 1884 г. требовалось, чтобы не быть исполняющим должность). Наконец, в 1892 г. Ф.Ф. Соколов получил звание заслуженного профессора, которое давалось прежде прослужившему 25 лет в университете преподавателем.

Ф.Ф. Соколов скончался 1 июня 1909 г., прослужив свыше 40 лет преподавателем двух высших учебных заведений. Похоронен был Соколов на Смоленском кладбище, но могила его не сохранилась: она, очевидно, погибла в первые же революционные годы, когда на кладбищах в старые могилы хоронились свежие покойники, если место этой старой могилы было почему-либо облюбовано родственниками свежего мертвеца.

Прежде чем говорить о научной деятельности Ф.Ф. Соколова, поскольку она нашла выражение в изданных им трудах, необходимо напомнить, с какою подготовкой он вступил на ученое поприще. Университет вряд ли что-либо дал ему в этом отношении. Главный представитель кафедры всеобщей и, в частности, древней истории М.С. Куторга, человек вполне достойный занимать кафедру, оставивший после себя много важных и интересных трудов, в годы студенчества Ф.Ф. Соколова путешествовал по Востоку. Никаких семинариев в ту пору в университетах не существовало. Таким образом, высшей школы по древней истории Ф.Ф. Соколов не прошел. Это важно отметить тем более, что через два года после окончания университета Соколов уже защитил свою магистерскую диссертацию, о которой речь впереди.

По защите диссертации Ф.Ф. Соколов, как уже было упомянуто, был командирован на два года за границу. О его заграничных занятиях мы знаем по его отчетам. Он был в Берлине, где уже кончали семестр. Ф.Ф. Соколов прослушал лишь несколько лекций Т. Моммзена о римском уголовном праве и И. Дройзена по истории Европы нового времени. Из Берлина Соколов поехал в Геттинген, где прослушал курсы крупного филолога Зауппе «О культе, праве и обычаях афинян», которого, по словам Ф.Ф. Соколова, «менее, чем кого-либо можно упрекнуть в неосновательных гипотезах, в любви к фразам, в излишнем стремлении обобщать и в пристрастии к философскому обозрению предмета». Эти слова о Зауппе, как увидим далее, в полной мере могут быть приложимы и к лекциям Ф.Ф. Соколова. Но чем же занимался он за границей, раз лекций очень мало слушал? Он работал, главным образом, в библиотеках Берлина и Геттингена, а в первом из названных городов усердно посещал, сверх

того, музей. По его словам, он старался «пополнить пробелы в сведениях своих о Греции и Риме, для чего обращал особенное внимание на изучение греческих надписей, с археологией и историей искусства, знакомясь в то же время с поэтами греческой и римской антологии, с "малыми географами", греческими риториками II в.н.э., римскими юристами древнего времени и разными схоластами».

Если Ф.Ф. Соколову пришлось лишь «пополнять» свои пробелы в сведениях о Греции и Риме, знакомясь с указанными сочинениями, строго говоря второстепенного значения, то с главными основными источниками, касающимися Греции и Рима, когда же он ознакомился? Очевидно, в студенческие годы и в пору составления своей диссертации, причем никаким руководством в этом случае Ф.Ф. Соколов не пользовался. Знание древних авторов, всех без исключения, знание глубокое, можно сказать, поражало всякого, с кем беседовал Ф.Ф. Соколов. Важно также отметить, что Ф.Ф. Соколов за границей *progrgio motu* засел за греческие надписи, знанию которых он всегда придавал такое значение, которые, он любил далеко не платонической любовью. Думал Ф.Ф. Соколов также и об изучении вещественных памятников, оставшихся от античности, считая и их (что в 1860-х гг. далеко еще историками не создавалось) важными источниками для познания истории античного мира, но от этого намерения должен был отказаться, так как для занятия археологией и историей искусства, по словам Ф.Ф. Соколова, «необходима подготовка иного рода, необходимы знания технические, что никогда не входило в планы моих занятий». Тем не менее за всеми археологическими новостями Ф.Ф. Соколов постоянно следил. Доказательством этого служат найденные в бумагах его многочисленные выписки из книг и статей чисто археологического содержания.

К концу пребывания Ф.Ф. Соколова за границей у него была готова тема и для докторской диссертации — она должна была служить продолжением диссертации магистерской. Но докторской диссертации, по неизвестным мне причинам, Ф.Ф. Соколов так-таки и не написал.

Перехожу к научной продукции Ф.Ф. Соколова, нашедшей выражение в его напечатанных трудах. В числе их имеется только одна монография, его магистерская диссертация под заглавием «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии». В книге этой триста с небольшим страниц, напечатанных почти петитом. Излагать содержание книги заняло бы слишком много времени. Поэтому вынужден ограничиться лишь приведением заглавий отдельных глав и общими выводами. Глава 1 — об источниках и пособиях по древнейшему периоду истории Сицилии (под этим периодом Ф.Ф. Соколов разумеет время до тирании Клеандра, начавшейся в 505 г. до н.э.); к этому своего рода приложение — некоторые черты физического описания Сицилии. Глава 2 — жители Сицилии до греков; происхождение сиканов, сикулов, элимов, сведения о их древнейшей жизни; финикияне. Глава 3 — о древнейших сношениях греков с Сицилией; разбор мифических преданий и известия исторические. Глава 4 — основание греческих колоний в восточной части Сицилии; расширение территории и политическое состояние этих колоний в VIII и VII вв. Глава 5 — отношения греков к сикулам в VIII и VII вв.; о религии сикулов.

Результаты «критических исследований» были сопоставлены Ф.Ф. Соколовым в 13 положениях, наиболее важными из которых являются следующие: 1) сикулы-италики, сиканы-иберийцы, элимы пришли в Сицилию через Италию из Эпира; 2) финикияне не строили городов внутри Сицилии, не оставались ни в своих факториях, ни в греческих колониях при поселении греков, не имели влияния на религию сикелиотов; 3) греки уже до основания первой своей колонии, Накса, в 736 г. имели торговые отношения с Сицилией; 4) во всех сицилийских полисах существовало до конца VI в. правление землевладельческой знати — потомков первых колонистов, причем правление переходило иногда, в силу возникновения революций, в руки тирана или эсимнета, но демократии не было;

5) история Сицилии не протекает исключительно на морском берегу; берега и внутренние части Сицилии были в постоянной, тесной связи, имели одну и ту же историческую жизнь, причем сицилийцы, как национальность, не произошли от смешения греков и сикулов и не отличались ни в чем существенном от греков собственно Греции.

Уже В.В. Григорьев, историк Санкт-Петербургского университета за первое пятидесятилетие его существования, охарактеризовал труд Ф.Ф. Соколова о Сицилии такими словами: «Подобного этому труду по древней истории Запада у нас не бывало». Да и в заграничной литературе, прибавлю я, лишь один Рауль-Рошетт в своей истории греческой колонизации отвел Сицилии несколько достойных для своего времени страниц.

Ф.Ф. Соколов назвал свои исследования «критическими» и имел на то полное право. Вся монография носит действительно критический характер — в ней постоянно критически разбираются либо данные источников, дошедшие, за исключением связного, но очень короткого рассказа в VI книге Фукидида, лишь во фрагментах, либо суждения новых ученых. А из последних единственно в «Истории Греции» Джорджа Грота можно было найти применение правил исторической критики.

Конечно, за истекшие 75 лет, отделяющих нас от «Сицилии» Ф.Ф. Соколова, наши сведения о древнейшем периоде истории острова значительно возросли, главным образом благодаря поступившему в наше распоряжение археологическому материалу, и в некоторых пунктах суждения Ф.Ф. Соколова должны быть пересмотрены, но что касается источников литературных, то из критического исследования их, данного Ф.Ф. Соколовым, и теперешний ученый может многому научиться, и в этом отношении труд его сохраняет по сей день актуальную значимость и, если угодно, свежесть.

Этот труд, как уже упомянуто, является в ученом наследии Ф.Ф. Соколова единственной монографией. Все остальные работы его — статьи, печатавшиеся главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения», и рецензии — последних, впрочем, немного, всего 5; они посвящены разбору обеих диссертаций, магистерской и докторской, Никитского и моих, и IV тому известного свода южнорусских древних надписей В.В. Латышева.

Все статьи Ф.Ф. Соколова (их 29), а также упомянутые рецензии уже после смерти автора были объединены в одном томе (около 700 страниц) под общим заглавием «Труды Ф.Ф. Соколова» и изданы в 1910 г. на средства его учеников. 22 статьи сопоставлены под общим подзаголовком «В области древней истории». Приводить заглавия статей, тем более излагать их содержание потребовало бы много времени, так как содержание статей детальное и строго фактическое. Скажу лишь, что статьи посвящены разбору спорных или неверно понимаемых вопросов в области греческой истории VI, V и IV вв., главным же образом III и II вв. до н.э. Лишь одна статья разбирает хронологию римской истории IV в.

В одних статьях Ф.Ф. Соколов исходит из древних авторов, в других из надписей, в третьих из папирусов, в четвертых из комбинирования всех этих источников. Иногда в статьях разбираются частные, так сказать, вопросы, иногда общие. Таковы, например, статьи об афинских клерухиях, о т.н. «пятидесятилетии» (промежутке между окончанием Греко-персидских войн и началом Пелопоннесской войны), о народном собрании Этолийского союза. В статьях «В области древней истории» сказались с полной наглядностью разносторонние и глубокие знания предмета, характерные черты метода исследования Ф.Ф. Соколова, о чем я еще буду говорить, равно как и непрерывающийся интерес к любимой науке — главная цель научных стремлений и разысканий.

Под рубрикой «В области древней истории» появились 22 статьи. Но в бумагах Ф.Ф. Соколова нашелся листок, из которого явствует, что он собирался написать 60 статей, и в числе их такие, как, например, «Договор Филиппа V Македонского с

Ганнибалом», «Додонский оракул», «Соответствие римской истории VI и V вв. с афинской», «Антигон Гонат», «История Аркадского союза», «История Беотийского союза», «Карфагенское и спартанское устройство» (из личной беседы с Ф.Ф. Соколовым знаю, что он сопоставлял карфагенскую пентархию со спартанскими эфорами). Никаких черновиков или заметок к намеченным темам статей в бумагах Ф.Ф. Соколова не оказалось. Да и искать их было бы трудом напрасным: Соколов держал весь материал в голове и по тщательном обдумывании его и наведения необходимых справок в литературе предмета писал свои статьи прямо набело, почти без каких-либо помарок.

Из статей Ф.Ф. Соколова, не вошедших в рубрику «В области древней истории» считаю нужным выделить следующие. Большая статья Соколова, появившаяся в 1868 г., посвящена пресловутому и все еще не получившему окончательного решения, каковое вряд ли когда-либо и последует, — гомеровскому вопросу. За 70 с лишком лет, протекших со времени появления статьи Ф.Ф. Соколова, гомеровским вопросом занимались с большою настойчивостью. С этой точки зрения работа Ф.Ф. Соколова, конечно, устарела. Но и теперь она имеет не только историческое, но и методологическое значение, главным же образом интересна с точки зрения методологических воззрений автора. Ф.Ф. Соколов в решении гомеровского вопроса принадлежал к числу т.н. унитариев, т.е. тех ученых, которые признают и в «Илиаде», и в «Одиссее» одного автора. Стоя на позиции унитарной теории, Соколов не отрицает, что «единство Илиады и Одиссеи есть, строго говоря, гипотеза, но она стоит... на общем предании древности, на единстве дошедшего до нас текста, на художественной целостности поэм». В течение многих лет «унитарная теория» признавалась порочной, но замечательно, что в более близкое к нам время некоторые ученые начинают к ней возвращаться.

Если даже «Гомеровский вопрос» Ф.Ф. Соколова в настоящее время представляет лишь историческое значение, то другая большая статья, относящаяся к истории III в. до н.э. и вышедшая в 1879 г., сохраняет актуальное значение, а результаты ее приняты теперь всеми. Статья эта носит название «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского». Несмотря на это скромное название, статья проливает свет на одну из самых темных областей греческой истории III в. Благодаря твердо установленным в ней пунктам оказалось возможным фиксировать целый ряд фактов, стоящих с ними в связи. До такой степени эта работа Ф.Ф. Соколова изумительна по тонкости детального анализа. При этом нужно отметить, что Соколов исходил в нем из рассмотрения одного обломка афинского декрета в честь Аристомаха, аргосского гражданина. Издатель чадписи, знаменитый эпиграфист Ульрих Кёлер, и вслед за ним Дройзен в своей «Истории эллинизма» принял Александра, упоминаемого в обломке, за Александра Великого. Ф.Ф. Соколов безапелляционно доказал, что имеется в виду не последний, а Александр, сын Кратера, племянник македонского царя Антигона Гоната. Чтобы установить это, Ф.Ф. Соколову пришлось много «сражаться» против различных комбинаций Дройзена, пришлось исследовать все время царствования Гоната и спуститься за пределы этого царствования. Но что замечательно: предположения, высказанные Ф.Ф. Соколовым в «Аристомахе», были блистательно подтверждены несколькими новыми эпиграфическими находками.

Статья Ф.Ф. Соколова «Третье столетие до н.э.» — речь, произнесенная на акте Историко-филологического института в 1886 г. Эта речь поистине может быть названа «тронной речью» по тому отделу древней истории, в котором в своем роде царствовал Ф.Ф. Соколов. В речи устанавливается ряд «фактических» тезисов из истории III в., пожалуй, наименее освещенного века греческой истории.

В 1877 г. появилась в «Отчете» Санкт-Петербургского университета речь Ф.Ф. Соколова, произнесенная в университете в столетнюю годовщину рождения Александра I — единственное произведение Ф.Ф. Соколова, выходящее за пределы

его специальности. Я не берусь судить о достоинстве речи; могу только сказать, что написана она очень живо и увлекательно. Личность Наполеона всегда привлекала Ф.Ф. Соколова, может быть потому, что, по его словам, «многое в природе этого человека напоминает людей древнего времени». «В начале XIX в., — говорил он, — в цивилизованной Европе уже не умели презирать до такой степени род человеческий, не умели строить таких грубых варварств, как бы взятых у древних греческих сборников анекдотов о военных хитростях; не умели и лгать так ужасно, как лгал этот человек (Наполеон). И по великим дарам природы своей не похож он был на людей нового времени. Смелость, новизна и громадность его инициативы, стальная энергия в исполнении, неутомимая настойчивость в преодолении всех препятствий, ясность взгляда и быстрота решения при всяком стечении обстоятельств — таковы качества гениального полководца, которыми Наполеон далеко оставляет за собою всех вождей нового времени и напоминает Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря...». А вот слова Ф.Ф. Соколова об Отечественной войне: «Отечественная война для России имела не политическое только значение: она была могущественным орудием движения русской жизни, она породила цвет нашей литературы, те могучие стальные стихи, эти роскошные, полные жизни и правды произведения изящной прозы, которые родились у нас в XIX в. и каких нет нигде в новейших европейских литературах. Двенадцатый год, бессознательно для нас, воспитал нас всех; если бы истребить из истории двенадцатый год, то в каждом из нас истребилось бы нечто вошедшее в плоть и в кровь нашу».

Ф.Ф. Соколов не издал своих лекций. После него остался лишь не поступивший в продажу, изданный в первой половине 80-х гг. «Конспект древней истории» для студентов Историко-филологического института. Изложение событий доведено до 109 г. до н.э.; он ограничивается исключительно сообщением фактов. Разумеется, в некоторых частях «Конспект» устарел. Но для всякого рода справок он представляет и теперь хорошее пособие.

В последний период писательской деятельности Ф.Ф. Соколов переработал некоторые из своих статей, входящих в цикл «В области древней истории», по-немецки и поместил их в переработанном виде в журнале «Klio». Эти статьи касаются исключительно III в. до н.э.

Такова научная продукция Ф.Ф. Соколова. Попробуем теперь кратко охарактеризовать, если можно так выразиться, методологию научного творчества Ф.Ф. Соколова. Сложилось убеждение, что Соколов стремился только к одному — устанавливать факты, недаром его называли «фактопоклонником». Говорили, что он был лишен способности и вкуса к обобщениям или, в крайнем случае, не искал их. В правильности такого представления о Ф.Ф. Соколове как историке есть своя доля правды, но полной правды нет.

Напомним то, что Ф.Ф. Соколов писал еще в начале своей научной деятельности, в 1866 г., в одном из своих заграничных отчетов: «Стремление отыскать общую связь и внутренний смысл частных и разнообразных явлений исторической жизни вполне естественно и законно... Но с другой стороны, успех здесь дело нелегкое. Если попытка не удастся, все испорчено, факты окрашены в один цвет или изуродованы, и происходит вредное и упорное ослепление... Очень часто случается, что какой-нибудь вывод многое объясняет, по-видимому, согласен с фактами, остроумен, блестящ, — но не надо торопиться признать его справедливость, это очень опасно. Надобно строго разобрать сущность выражений, которые нас чаруют; надобно привести их к фактам, к действительности... Жизнь человеческая слишком сложна и многостороння; исторические системы, имеющие претензии обнять все, захватывают постоянно лишь небольшую часть».

Отличительной чертой ученой деятельности Ф.Ф. Соколова было, так сказать, какое-то удивительное ученое самозабвение. Какой бы вопрос Соколов ни разбирал, его прежде и главное всего занимал сам разбираемый вопрос. Личность исследователя отходила на задний план. И в науке, как и в жизни, мы не

находим у Ф.Ф. Соколова ни малейшей тени эгоистических наклонностей и стремлений, желания выставить свое «я». Здесь играла роль врожденная скромность Ф.Ф. Соколова, но наряду с ней и скромность сознательная. Дело в том, что Соколов относился с удивительной бережностью к культивируемой им науке. Единственную цель своих ученых стремлений он видит в отыскании, установлении исторической истины. В своей «Сицилии» Ф.Ф. Соколов неоднократно заявляет: «Постараюсь доискаться, насколько возможно, правды». «Историческое знание есть более или менее отдаленное приближение к истине» — вот научный принцип Соколова. Понятно, что этот принцип повел на практике к вполне объективному и беспристрастному методу в исследовании (см. из «Некролога» с. 32).

Другим средством приблизиться к исторической истине служило, по мнению Ф.Ф. Соколова, детальное исследование и изложение исторических событий. «Невозможно определить, — по словам Соколова, — с точностью, какой размер исторического изложения достаточен для научного знания. Невозможно определить, какие подробности нужны, какие можно отбросить... Всякое сокращение исторических фактов вредит ясности и верности образа». И этого Ф.Ф. Соколов старался достигнуть двумя путями: 1) привлечением всех данных, имеющих отношение к тому или иному историческому факту или фактам, и 2) критическим анализом этих данных. Потому что, говорит Ф.Ф. Соколов, «в науке нет мелочных или ненужных истин».

Глубокое знание источников давало возможность Ф.Ф. Соколову ставить при исследовании всякое лыко в строку; критический дар, которым он обладал, позволял разбираться в источниках, оценивать их, ставить каждое данное на подлежащее ему место. Обобщений Ф.Ф. Соколов остерегался, если ему не хватало уверенности, что данный факт или группа фактов достаточно разработаны. Конечно без гипотез, говорит Ф.Ф. Соколов, ни в каком научном исследовании не обойдешься, но гипотеза, чтобы быть вероятной, во-первых, должна быть согласна с показаниями источников, во-вторых, должна быть правдоподобна.

В своей речи о III в. Ф.Ф. Соколов кратко, но определенно формулирует два правила исторической критики: первое — «текст древних авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно», слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот — «текст официальных актов, надписей должно толковать самым близким и точным образом». Ф.Ф. Соколов называл надписи «краеугольными камнями» всей науки о классической древности.

Можно подумать, что Ф.Ф. Соколов, придавая такое значение фактам, терял общую нить исторического процесса, за деревьями не видел леса. Далеко не так! В упомянутой речи Ф.Ф. Соколов заявлял: «Жизнь человеческого рода не прекращается и не останавливается. Останавливаться необходимо только нам, отдельным личностям, и все равно, на каком пункте мы остановимся для обозрения событий. Где бы мы ни провели черту, всякая такая граница будет произвольна... Всякое событие, а тем более важное или крупное, состоит из целого ряда событий или фактов, и неразрывно связано с событиями предшествующими или последующими».

Свой предмет — древнюю историю — Ф.Ф. Соколов, конечно, не модернизировал. Но будучи очень начитан в исторической литературе вообще, он не прочь был иногда приводить примеры из новой истории, особенно из истории XIX в., ...* сопоставлять их с событиями древними. На древних Ф.Ф. Соколов учил смотреть как на живых людей, а не как на материал, годный только для археологических исследований. Но как бы ни была велика любовь Ф.Ф. Соколова к античности, он в своей ученой деятельности всегда руководствовался не чувством, а рассудком, не красивыми словами, а делом, не стремлением путем

* Слово не разобрано.

заманчивых, но иной раз эфемерных построений объять необъятное, в установлении хотя бы приблизительной, но точной исторической истины.

Таковым представляется мне Ф.Ф. Соколов как ученый. Параллельно с ученою работою у Ф.Ф. Соколова шла и преподавательская деятельность. Какова была она? Соколов читал лекции по греческой и римской истории, по т.н. греческим древностям, по истории Востока, разбирал со студентами в Университете и Историко-филологическом институте Фукидида, Полибия, Диодора, «Афинскую политику» Аристотеля; на вечерних занятиях на дому, по пятницам с 7 и иной раз до 11 часов вечера разбирал греческие надписи. Отличаясь в своей преподавательской деятельности большою аккуратностью, он прочитал и в университете, и в институте в общей сложности не менее 10000 лекций. Не боясь оскорбить памяти покойного, я должен сказать, что с тех пор, как я связан был с университетом, т.е. с поступления моего в студенты в 1886 г. и до смерти Ф.Ф. Соколова, лекции его в студенческой (толпе), если уместно употребить это слово в отношении студентов-филологов, которые обычно вряд ли доходили до 400, максимум 500, успехом не пользовались. Один из авторов газетных некрологов говорил: «Аналитический склад ума, который составлял главную силу Соколова, сказывался в крайне скептическом отношении его ко всяким попыткам общих построений, социологических обобщений... Этим объясняется, что ценимый весьма высоко в кругу специалистов-исследователей, Соколов мало давал более широким кругам слушателей Историко-филологического факультета»

Совершенно верно. Ф.Ф. Соколов не был поклонником ни общих построений, ни социологических построений, но не в них было дело. К тому же свои общие курсы Ф.Ф. Соколов читал для первокурсников, которые в пору своего гимназического обучения вряд ли знакомились с «построениями» и «настроениями», а просто зубрили «Иловайского». Ф.Ф. Соколов, как мы указывали, признавал «общие построения», но при условии, чтобы они возводились на прочной фактической, строго расчищенной почве, чтобы они создавались не ради объяснения фактов, но вытекали из объяснения фактов. И это требование Ф.Ф. Соколов ставил во главу угла не только в своих ученых работах, но и в своих курсах, невзирая на то, была ли подготовлена его аудитория не только оценить, но в некоторых случаях даже усвоить себе это требование. В результате получалось полное недоразумение: профессор не мог стать на уровень со своими слушателями, слушатели, в большинстве своем, не могли приблизиться к уровню профессора. Ко всему этому присоединилось то, что Ф.Ф. Соколов старался охватить в своем курсе наивозможно больший период времени, поэтому он спешил, да и вообще ораторским талантом он не отличался. Во всяком случае Ф.Ф. Соколов сообщал на своих лекциях то, что он считал нужным сообщить. Может быть иной раз увлекался подробностями, но быв много раз ассистентом на экзаменах у Ф.Ф. Соколова, считаю долгом засвидетельствовать, что на них он требовал знания главных фактов и никакими подробностями не интересовался, и на почве экзаменов у него почти никогда не бывало каких-либо недоразумений.

Все же для рядового студента лекции Ф.Ф. Соколова были трудны для усвоения, и наш поэт Д.С. Мережковский в одном из своих произведений так аттестовал общие курсы Ф.Ф. Соколова: «История без образов, без лиц — ряды хронологических таблиц». Зато наш известный композитор А.К. Глазунов, к моему удивлению, так аттестовал в одном из писем к музыкальному меценату Митрофану Беляеву (Глазунов одно время был вольнослушателем нашего университета): не быв удовлетворен чтением лекций других профессоров Историко-филологического факультета, он отметил лекции лишь Ф.Ф. Соколова, назвав их крайне интересными. А в природном «вкусе» А.К. Глазунову, судя по его музыкальным опис'ам, думается отказать нельзя.

Еще на одну тоже любопытную черту мне хочется указать: немногочисленная аудитория Ф.Ф. Соколова была убеждена, что Соколов так хорошо знает свои

«факты», так крепко держит их в голове, что ему подготавливаться к лекциям нечего. Но что оказалось на поверку? В бумагах Ф.Ф. Соколова я нашел не только подробные конспекты его лекций (сам он в мое еще время никакими «записками» не пользовался), но и краткие программы каждой лекции, при этом программы относятся к последним годам его жизни. При одной из программ стояла такая, между прочим, заметка: завтра пораньше встать и хорошенько подготовиться и обдумать то-то и то-то.

Остается упомянуть о той стороне деятельности Ф.Ф. Соколова, которая нашла себе заслуженное признание даже со стороны лиц, не сочувствующих ему как преподавателю вообще. Я имею в виду практические занятия Ф.Ф. Соколова со специалистами. Занятия эти заключались в чтении и разборе греческих надписей. Количество участников этих занятий колебалось от 2 до 8, скорее в сторону меньшей, нежели большей из указанных цифр. Занятия велись регулярно на квартире Ф.Ф. Соколова, по пятницам, начинались, как я сказал, с 7 часов вечера и заканчивались иной раз в 11 часов, причем на них подавался чай обязательно с плюшками. Занятия состояли в переводе и разборе самом детальном надписей, со всякого рода экскурсами. Это была такая «ученая лаборатория» по греческой истории, которая была под силу только Ф.Ф. Соколову с его знаниями и пониманием древней истории. На этих незабвенных «пятницах» завязывались те тесные связи между Ф.Ф. Соколовым и его непосредственными учениками, которые не порывались в дальнейшее время. Не нужно, однако, думать, будто бы здесь Ф.Ф. Соколов непременно стремился к тому, чтобы привить своим ученикам свои интересы, свой метод. Далеко нет. Ф.Ф. Соколов признавал только свободное знание, не насилуя чьих бы то ни было ученых симпатий и влечений. Каждый из его учеников мог идти, да и пошел своей дорогой, но каждый из них учился сознавать, что конечная цель всякого исторического знания — это приближение к исторической истине, что знание есть нечто самодовлеющее, и чтобы достичь его, нужно работать много и упорно. Нередко на «пятницах» у участников их зарождались и темы их будущих диссертаций.

Не менее крупной заслугой Ф.Ф. Соколова, помимо организации им таких серьезных, полезных занятий, какие проводились на «пятницах», было и то, что по его инициативе впервые у нас стали командироваться молодые ученые на два, а иной раз и на три года в Грецию для знакомства с нею вообще, в частности для занятий надписями по оригиналам (сам Ф.Ф. Соколов побывал в Греции только один раз и сравнительно короткое время). Пребывание молодых русских ученых в Греции вело также к знакомству их с иностранными учеными (в Афинах уже тогда существовали *Ecole française*, отделение Немецкого археологического института, позднее Английская, Американская, Итальянская «школы»). Таким образом, не за кем иным, как именно за Ф.Ф. Соколовым, остается слава человека, прорубившего окно в Грецию для наших специалистов по греческой истории, филологии и археологии (ранее их посылали зимой в Германию).

Из этих специалистов и создавалась та «соколовская школа», о которой мы вправе говорить, которая несомненно у нас зародилась и к которой принадлежали ученые деятели, много сделавшие для культивируемой им науки. Вот их имена в хронологическом порядке выступления их на ученую арену: акад. В.В. Латышев, создавший себе громкое имя изданием *IOSPE*, акад. В.К. Эрнштедт, отец П.В. Эрнштедта, акад. А.В. Никитский, первоклассный эпиграфист, знаток в особенности дельфийских надписей, член-корреспондент АН Н.И. Новосадский, безвременно умерший** А.Н. Щукарев, Р.Х. Лепер, С.А. Селиванов, А.И. Покровский, К.В. Хилинский, член-корреспондент АН И.И. Толстой (его большинство знает).

К этим именам позволю себе присоединить и свое имя, которому выпала на

** Два слова зачеркнуты.

долю великая и вряд ли заслуженная честь стать преемником Ф.Ф. Соколова в нашем университете после его смерти в 1909 г. и вести преподавание в нем почти в течение 20 лет и***, может быть, продолжить его и дальше, если бы тогдашним заправилам (*nomina sunt odiosa*) не вздумалось перевести меня из заслуженных профессоров в приват-доценты***.

Большую и отрадную честью я считаю и то, что мне довелось сегодня помянуть 100-летие со дня рождения моего учителя, этого бесспорно крупного ученого и полезного деятеля на ниве нашего просвещения в области гуманитарных наук, прекрасного во всех отношениях человека, о душевных качествах и свойствах которого я говорить не буду, ибо для тех, кто не знал покойного, мои разглагольствования на эту щекотливую тему были бы одними словами, а одних-то слов во всей своей жизни и деятельности и не признавал покойный Ф.Ф. Соколов.

У Вас же, посетивших сегодняшнее собрание в память столетия его рождения своим присутствием, прошу снисхождения за мой далеко несовершенный доклад, да еще в ту пору, когда нас окружает далеко беспокойная и еще тем менее радостная обстановка. В лице вашем благодарю и те учреждения, представители которых здесь присутствуют: Институт истории, Исторический и Филологический факультеты Ленинградского университета. Этим факультетам, объединенным, правда, в один Историко-филологический факультет, много своих сил и знаний отдал в свое время столетний теперь старец Ф.Ф. Соколов. *Ave vir doctissime, anima candida.*

3 декабря 1941 г.

ААН СССР. Ф. 729. Оп. 1. Д. 31. Автограф.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов
(Продолжение следует)

ZHEBELEV'S HISTORIOGRAPHIC STUDIES

(from unpublished scientific heritage)

I.V. Tunkina, E.D. Frolov

The material opens a series of publications from the archive of Academician Sergei Alexandrovich Zhebelev (1861—1941), outstanding Russian Scholar of antiquity. It is the text of the report written by S.A. Zhebelev in 1941 on the occasion of a one-hundredth anniversary of the birth of his teacher, F.F. Sokolov (1841—1909), which presents the curriculum vitae of F.F. Sokolov.

*** Фраза зачеркнута.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бехерт Х.</i> (Геттинген) — Противоречия в датировке Паринирваны Будды и истоки тхеравадской хронологии	3
<i>Грейс Э.</i> Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву (окончание)	25
<i>Смагина Е.Б.</i> (Москва) — Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии	40

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Даньшин Д.И.</i> (Москва) — Фанагорийская община иудеев	59
<i>Карышковский П.О.</i> — Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры	73

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Переход от античности к средневековью

<i>Бласкес Мартинес Х.М.</i> (Мадрид) — Характерные черты испанского общества в период Поздней Римской империи	97
--	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Кисель В.А.</i> (С.-Петербург) — Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса	111
<i>Баюн Л.С.</i> (Москва), <i>Орел В.Э.</i> (Тель-Авив) — Лингвистическая и культурно-историческая интерпретация Ситовской надписи	126
<i>Ульянова И.Л.</i> (Москва) — Новые папирусные фрагменты комедий Менандра	136
<i>Селезнев М.Г.</i> (Москва) — Библия в эллинистическом мире (<i>Рассказ о творении мира и греческий ритор</i>)	142
<i>Шабига И.Ю.</i> (Москва) — Опыт исследования галльских панегириков количественными методами	147
<i>Люйе М.-К.</i> (Безансон) — Стратегии господства и регуляция политики в переходный период: создание образа императора в латинских панегириках	161

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Любин В.П., Куликов О.А.</i> (С.-Петербург) — Евразия изначальная (<i>Последние открытия на Кавказе</i>)	173
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Карнюк С.Г.</i> (Москва) — Дело о назначении ординарного профессора греческой словесности Московского университета	175
<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историкографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>).	182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Егоров А.Б.</i> (С.-Петербург) — Обзор научной литературы по античности Петербургского государственного университета	195
<i>Вяткин Р.В.</i> (Москва) — Изучение научного наследия Сыма Цяня на Востоке и Западе (<i>Историко-библиографический обзор</i>)	204
<i>Немировский А.И.</i> (Москва) — Материалы для изучения этрусской цивилизации	212

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Новиченкова Н.Г.</i> (Ялта) — Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея	222
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Зинько В.Н.</i> (Керчь) — Международная научная конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991 г.)	229
<i>В.И.</i> (Москва) — XIII Международный коллоквиум по античному роману (Гронинген, 22 апреля 1992 г.)	230